

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В РАБОТЕ
«НЮРНБЕРГ: ПРИГОВОР ВО ИМЯ МИРА»
(Москва: Проспект, 2021. – 760 с.).**

© 2022 г. А. Г. Лисицын-Светланов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: svetlanov@yust.ru

Поступила в редакцию 21.06.2022 г.

Аннотация. В рецензии анализируется монография А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» с особым акцентом на теоретические споры и принципиальные правовые позиции ученых-правоведов СССР, США, Великобритании и Франции в части понимания и видов международных преступлений; возможности привлечения к уголовной ответственности государства, его главы и представителей правящей политической группы; понимания соучастия в преступлении; придания обратной силы нормам, зафиксированным в Уставе Международного военного трибунала. В исследовании скрупулезно представлены аргументы каждой из оппонировавших сторон. Отечественный читатель впервые получает возможность ознакомиться с дискуссиями, проводившимися в западной специализированной литературе, поэтому одно из основных научных достижений рецензируемой работы — введение в оборот огромного, нового массива библиографических источников.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, геноцид, преступления против человечности, российское уголовное право, реабилитация нацизма, военный трибунал, агрессивная война, международная уголовная ответственность.

Цитирование: Лисицын-Светланов А. Г. Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) // Государство и право. 2022. № 7. С. 40–45.

DOI: 10.31857/S102694520021156-2

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF INTERNATIONAL
CRIMINAL JUSTICE IN THE WORK
“NUREMBERG: A VERDICT FOR NAME OF PEACE”
(Moscow: Prospect, 2021. – 760 pp.).**

© 2022 A. G. Lisitsyn-Svetlanov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: svetlanov@yust.ru

Received 21.06.2022

Abstract. The review analyzes A. N. Savenkov’s monograph “Nuremberg: A Verdict for name of Peace” with a special emphasis on theoretical disputes and principled legal positions of legal scholars of the USSR, the USA, Great Britain and France in terms of understanding and types of international crimes; the possibility of bringing to criminal responsibility the state, its head and representatives of the ruling political group; understanding complicity in a crime; giving retroactive effect to the norms fixed in the Statute of the International Military Tribunal. The study scrupulously presents the arguments of each of the opposing parties. For the first time, the domestic reader gets the opportunity to get acquainted with the discussions held in Western specialized literature, therefore, one of the main scientific achievements of the monograph is the introduction into circulation of a huge, new array of bibliographic sources.

Key words: Nuremberg trial, genocide, crimes against humanity, Russian Criminal Law, rehabilitation of Nazism, military tribunal, aggressive war, international criminal responsibility.

For citation: *Lisitsyn-Svetlanov, A. G. (2022). Theoretical foundations of International Criminal justice in the work "Nuremberg: A Verdict for name of Peace" (Moscow: Prospect, 2021. – 760 pp.) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 40–45.*

Любая рецензия должна заканчиваться выводом о теоретической и (или) практической значимости проделанной автором работы. Исследуемая монография представляет собой фундаментальный труд, посвященный актуальной теме и содержащий значительное количество проявлений научной новизны в исследовании правовых итогов Второй мировой войны. В рецензируемой работе представлены наиболее значимые проблемы и задачи, решение которых определит дальнейшую стратегию развития международного уголовного судопроизводства, поэтому книга будет интересна государственным и общественным деятелям, научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, а также широкому кругу читателей, которым небезразлична судьба Мира.

Рецензия неспроста начинается с вывода. Такой прием подчеркивает значимость всей монографии, однако в силу многоаспектности ее глубокий и обстоятельный анализ занял бы не одну страницу, поэтому для исследования выбрана лишь концептуальная составляющая — теоретические основы международного уголовного правосудия. Именно в этой части книги раскрывается научный фундамент Нюрнбергского процесса, демонстрируется процесс кристаллизации и воплощения идей в жизнь.

Формированию правовой основы международного уголовного судопроизводства предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени. Межвоенные правовые дебаты не только внесли международную преступность в юридический и политический словарь, но и узаконили новый набор институциональных мер реагирования на нарушения международного права, а именно международное уголовное преследование.

В работе обоснованно отмечается, что координация действий членов трибунала и обвинителей из различных стран была нелегкой задачей. Дело в том, что не только социально-политические, но и правовые системы четырех держав не были идентичны: для США и Великобритании были характерны нормы англосаксонского права, а для Франции — континентального права. В монографии уделяется огромное внимание теоретическим спорам, касающимся нескольких принципиальных моментов: понимания и видов международных преступлений; возможности привлечения к уголовной ответственности государства, его главы и представителей правящей политической группы; понимания соучастия в преступлении; придания обратной силы нормам,

зафиксированным в Уставе Международного военного трибунала. В исследовании скрупулезно представлены аргументы каждой из оппонировавших сторон, причем для этого зачастую требовалось осуществлять перевод многочисленных научных работ.

1. Понимание и виды международных преступлений. Как отмечал И.И. Карпец, понятие международного преступления родилось как реакция на деяния, ставшие возможными в связи с агрессивными, захватническими войнами, сопровождавшимися уничтожением материальной культуры народов, зверскими методами ведения войны, издевательствами, мучительством и физическим уничтожением мирного населения. Народы осудили эти преступления и лиц, их совершивших¹.

Впервые вопрос об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления ставился в Версальском договоре, где говорилось о необходимости привлечения к уголовной ответственности Вильгельма II, бывшего императора Германии, за публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договора. Однако единого нормативного акта, включавшего перечень международных преступлений, до начала Нюрнбергского процесса не было.

В монографии убедительно показывается, что наибольшее влияние на определение совершенных нацистами преступлений оказали правовые позиции ученых Института права АН СССР (ныне — Институт государства и права РАН), среди которых особенно выделяется работа А.Н. Трайнина «Об уголовной ответственности гитлеровцев», главным нововведением которой был аргумент о том, что гитлеровцев следует судить не только за «военные преступления», совершенные в ходе этой войны, но также за развязывание агрессивной войны, т.е. совершение «преступления против мира». Преступления против мира включали «акты агрессии», «пропаганду агрессии», «заключение соглашений с агрессивными целями», «провокации, направленные на срыв мирного урегулирования отношений между странами», «терроризм» и «поддержку вооруженных банд (пятая колонна)».

Расхождение представителей делегаций (советской и американской) происходило по двум основным моментам: необходимо ли нормативно закреплять субъекта преступления (нацисты), а также

¹ См.: Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 42.

сам перечень деяний, наполнявший понятие «международные преступления». Так, представитель советской делегации И.Т. Никитченко настаивал на определении, которое объявляло деяния преступлениями только в том случае, если они совершались нацистами. Делегаты от США утверждали, что преступный характер таких деяний не может зависеть от того, кто их совершил; международные преступления могут быть определены только в широких терминах, применимых к государственным деятелям любой нации, виновным в запрещенном поведении. На Лондонской встрече удалось найти взаимоприемлемую формулу ст. 6 Устава, разбив ее на две фразы. В первой указывалось, что Международный военный трибунал вправе судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, совершили любое из указанных в ст. 6 преступлений. Во второй — определялось, какие же действия являются преступными и влекут за собой индивидуальную ответственность.

Итогом споров было принятие за основу определения преступлений против мира А.Н. Трайнина, в частности «военные преступления» и «преступления против человечности» рассматривались как отдельные, хотя и взаимосвязанные, обвинения.

2. Ретроактивность норм. Анализ процесса конструирования перечня международных преступлений логично приводит автора монографии к постановке проблемы придания новым нормам обратной силы (их ретроактивности). В настоящее время общепризнано, что постановка вопроса о распространении его действия на ранее произошедшие события в обычном праве невозможна, поскольку оно формируется путем накопления опыта и распространения регулирующего действия на будущие события, т.е. имеет линейный во времени характер. Принцип “*nullum crimen sine lege*”, сформулированный еще в римском праве, в дальнейшем приобрел важное значение в системе континентального и англосаксонского права. Его первое формальное выражение некоторые исследователи обнаруживают в английской Великой хартии вольностей 1215 г.: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны» (ст. 39)².

В силу доминирования указанного принципа чрезвычайно сложно было найти теоретическое

обоснование его неприменения. В работе приводятся развернутые доводы Г. Кельзена: в обычном международном праве нет положений, запрещающих принятие норм, имеющих обратную силу, т.н. законов *ex post facto*; когда два принципа справедливости вступают в конфликт, преобладает высший из них. На основе конкуренции принципов он обосновывает, что Международный военный трибунал справедливо осудил обвиняемых нацистских лидеров за действия, которые были явно аморальными, даже если эти действия не подлежали наказанию в соответствии с международным правом во время их исполнения. Принцип законности здесь неприменим, поскольку ретроактивность новых норм, созданных Уставом, полностью оправдана более высоким принципом справедливости, широко признанным цивилизованным миром. Ретроактивность здесь оправдана, по мнению Г. Кельзена, потому что поведение, которое Лондонская хартия подвергла наказанию, представляло собой нарушение принципов высшей морали. Устав просто превратил моральную ответственность в юридическую. Ученые А. Гудхарт, А. Доннедье де Вабре, Дж. Гентон и М. Мерль пришли к такому же выводу. Каждый из них в целом согласен с идеей, что принцип законности в данном случае может быть ограничен более высокими общими принципами. Б. Мельцер подметил: механическое применение латинской фразы, сколь бы важную ценность она ни воплощала, не должно позволять унижать нравственное чувство народов мира.

Разумными выглядят и другие доводы Г. Кельзена, приводимые в монографии: «Державы оси были договаривающимися сторонами Пакта Бриана-Келлога, в соответствии с которым переход к агрессивной войне является деликтом; а Германия, напав на Польшу и Россию, нарушила, помимо Пакта Бриана-Келлога, пакты о ненападении с атакованными государствами. Любое выяснение авторства Второй мировой войны не вызывает проблем чрезвычайной сложности. Следовательно, нет оснований отказываться от обвинения, предъявленного лицам, морально ответственным за начало Второй мировой войны».

3. Уголовная ответственность государства, главы и членов правительств. Пожалуй, наиболее сложный теоретический спор касался решения двух взаимозависимых вопросов: привлечение к ответственности государства как такового и лиц, которые занимали руководящие посты в странах-агрессорах. Этому аспекту в монографии уделяется особое внимание и обширно приводятся аргументы Г. Кельзена, который являлся советником Вооруженных сил США и был аффилирован с американским университетом (сначала с Гарвардом, потом с Беркли), что дало ему возможность участвовать

² См.: Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М., 1918. С. 119; Утевский Б. С. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права // Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. М., 1940. С. 90, 91.

как представителю США в разного рода политических проектах, связанных с определением будущего послевоенной Германии и с устройством послевоенного миропорядка. В частности, он предложил теоретическое обоснование прекращения правосубъектности Германского рейха и создания на его месте нового германского государства, а также стал одним из главных авторов идеи Нюрнбергского трибунала для нацистских преступников³.

В работе указывается, что взгляды Г. Кельзена на основания международной уголовной ответственности были весьма противоречивы, хотя он довольно подробно обосновывал свою позицию. Например, отмечается, что основополагающий принцип общего международного права гласит: война разрешена только в качестве реакции на причиненное зло, т.е. в качестве санкции, любая война, которая не носит этого характера, является нарушением международного права. Это принцип *bellum justum* (справедливой войны). Германия его нарушила и в силу этого требуется наказать авторов Второй мировой войны, лиц, морально ответственных за одно из величайших преступлений в истории человечества.

Загвоздка состояла в том, что санкции, которые международное право предусматривает против государств как таковых, а именно репрессалии и война, не являются наказаниями в уголовно-правовом смысле. Г. Кельзен не видит принципиального отличия в понимании наказания в уголовном праве и международном праве, указывая, что наказание — это насильственное лишение жизни, свободы или имущества в целях возмездия или предотвращения; это определение применимо и к конкретным санкциям международного права.

Противоречивость и непоследовательность Г. Кельзена становится очевидной, когда обращаясь к приводимой в монографии цитате: «Ответственность в международном праве — репрессалии и война — не направлены против человека, поведение которого является нарушением международного права. Они направлены *против государства* как такового, т.е. *против подданных государства* — против лиц, которые не совершали правонарушений или не имели возможности предотвратить его... Международное право отвечает на вопрос: “Против кого должны быть направлены санкции?” ... путем определения определенной группы лиц — *лиц, которые занимают определенное юридическое положение*. Это коллективная ответственность». Вопрос о том, кто несет ответственность в международном праве, остается открытым: государство, все подданные или конкретная группа лиц?

³ См.: Антонов М. В. Ганс Кельзен: перипетии творческой биографии // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 259.

Окончательно запутывает ситуацию своеобразный итог рассуждений Г. Кельзена: «Доктрина о том, что международное право по самой своей природе не может обязывать отдельных лиц и, следовательно, не может иметь характер уголовного права, неверна».

В работе приводятся и иные непоследовательные рассуждения Г. Кельзена. Он говорит, что преследование лица судами государства, потерпевшего от агрессии, за деяние, которое в соответствии с международным правом является деянием другого государства, равносильно осуществлению юрисдикции над другим государством; это нарушение нормы общего международного права, в силу которой ни одно государство не подчиняется юрисдикции другого государства. Он же утверждает, что «коллективная ответственность государства за свои собственные действия исключает, согласно общему международному праву, индивидуальную ответственность лица, которое в качестве члена правительства, по команде или с разрешения правительства, совершило действие. Это следствие иммунитета государства от юрисдикции другого государства. Это правило не без исключений, но любое исключение должно основываться на специальной норме обычного международного права, ограничивающей первое».

В конечном счете возобладала иная позиция. В монографии подчеркивается, что решающую роль в преодолении возникавших противоречий сыграл Г. Лаутерпахт: он высказал точку зрения о верховенстве Лондонской хартии над внутренним законодательством; расширил компетенцию суда до возможности определять действия, совершенные против «любого гражданского населения», включая граждан Германии и ее сателлитов; распространил действие *ratione temporis* (по причинам сроков) на периоды «до или во время войны».

Главное достижение — Г. Лаутерпахт отверг позитивистские аргументы, в первую очередь Г. Кельзена, против индивидуальной ответственности, потому что либо государство, либо его органы не могут иметь преступного намерения или потому что международное право адресовано не отдельным лицам, а только государствам. В 1944 г. он писал: «Правила ведения войны, как и любые другие нормы международного права, обязательны не только для безличных сущностей, но и для людей. Нормы права имеют обязательную силу не для абстрактного понятия Германии, а для членов германского правительства, для немецких лиц, выполняющих правительственные функции на оккупированной территории, для немецких офицеров, для немецких солдат». Это предложение было переработано и включено в Нюрнбергское решение, став одним из его наиболее цитируемых отрывков.

В работе представлено также мнение профессора Гарвардского университета Ш. Глюка: он не поддерживал идею национальной уголовной юрисдикции в пределах территории государства, при привлечении к ответственности за действия, совершенные солдатами по приказу начальника, и определении подсудности глав государств. Ученый выступал за судебное преследование главных виновных (глав государств, руководства генерального штаба и других высокопоставленных категорий) в международном уголовном суде, который должен быть учрежден Соединенными Штатами и другими государствами, которые желают в этом участвовать.

В монографии особо выделяется, что Ш. Глюк сформулировал один из основных принципов международного уголовного правосудия: иммунитет главы государства в суде другого государства в мирное время вряд ли применим к противнику во время войны или в международном суде.

4. Соучастие в преступлении как основа ответственности главы государства и членов правительства. В книге ярко и последовательно иллюстрируется растерянность западных ученых, пытающихся найти пути выхода из тупиковой ситуации, связанной со сложностью привлечения к уголовной ответственности не физических лиц.

Профессор Лондонской школы экономики, криминолог Г. Мангейм отмечал, что традиционная теория права не успевает за последними экономическими, социальными и политическими темпами развития. В эпоху, в которой государство и корпорации обращаются к преступлению, в эпоху, когда господствуют идеи массовых действий, корпоративных действий и тоталитаризма, уголовное право находится под угрозой потери большей части своей основы, если в нем не будут развиваться новые концепции групповой ответственности за преступление, если оно будет продолжать игнорировать злодеяния, причиненные государством и корпорацией.

Л. Оппенгейм особенно настаивал на том, что отдельные лица не являются субъектами международного права и что солдаты, действующие под властью государства, освобождаются от иностранной юрисдикции, за исключением нарушений права войны.

К. Райт высказал мнение: «Возможно, в конечном итоге удастся привлечь отдельных лиц к ответственности в соответствии с международным правом за совершение актов, порождающих войну в мирное время, и военных преступлений во время войны. Точное определение таких международных преступлений в дополнение к пиратству и учреждение международного суда для их приведения и исполнение может оказаться полезным. Однако такой шаг повлек бы за собой значительное изменение нынешней доктрины независимости

государств». В таком разнообразии мнений готовилась концепция международного уголовного процесса против главных военных нацистских преступников. И это было впервые в истории.

Многие указанные вопросы не возникали бы в случае принятия во внимание концепции соучастия, разработанной в советском (дореволюционном) уголовном праве. В монографии отмечается, что в большинстве работ о Нюрнберге «обвинение в соучастии» описывается как нововведение, которое встретило сопротивление со стороны других союзников. Наблюдалось существенное расхождение во взглядах, касающихся принципов заговора (преступного сговора), разработанных в англо-американском праве, которые не полностью соблюдаются и не всегда рассматриваются континентальными юристами.

А.Н. Трайнин посвятил целую главу концепции соучастия, определив его как сложное явление, которое охватывает различные взгляды преступников и может включать опасную форму участия в организации, бандах, блоках, заговоры и т.д. В таких случаях, пояснил он, член организации может не знать всех других членов организации, но должен отвечать за всю свою преступную деятельность. Согласно А.Н. Трайнину, концепция соучастия, прочно закрепившаяся во внутреннем советском праве, была еще более важна в международном праве, потому что в международных преступлениях преступник никогда не действует в одиночку, но с помощью сложного исполнительного аппарата и с помощью многочисленных человеческих организаций. В таких случаях, добавил он, начальство (например, «гитлеровские офицеры и немецкие командиры») несут самую большую уголовную ответственность, поскольку они виновны в формулировании и исполнении политики, представляющей собой постоянное оскорбление основ международного права и создание системы государственного бандитизма.

В качестве итога представим следующие выводы, которые формируются после анализа теоретических споров. В адрес международного права того времени высказывалось очень много критических замечаний. Например, в работе приводится весьма резкое высказывание И.Т. Никитченко: «Группа лидеров должна нести ответственность не только за свои собственные действия, но и за все действия, совершенные государством. В ином случае мы можем сбиться с пути. Заговор. Мы практики, а не дискуссионный клуб».

К сожалению, не всегда в практику воплощаются здравые идеи теоретиков. Как верно указано в предисловии к монографии, человечество шло к жизни без войны долгим и трудным путем опыта и ошибок. Вначале приветствовались хоть какие-то

правила войны и плена; достижением стали традиции и обычаи войны; дискуссии и труды философов и правоведов привели к созданию законов войны. Вступив в эпоху суверенитетов, государства, пытаясь все решительнее и подробнее регулировать войну, стали осваивать практику мирных конгрессов, конференций и многосторонних международных договоров, которая показала свою несостоятельность. Не смогли преодолеть догму справедливой войны и авторы Версальского договора, хотя и предприняли попытку поставить вопрос о персональной ответственности виновников Первой мировой войны.

Приговор Нюрнбергского трибунала до настоящего времени остается одним из главных правовых ориентиров и фундаментом международного права. В мире до сих пор не создано единого Кодекса о мире и безопасности, Римский статут не отвечает современным реалиям. Представляется, что многих проблем удалось бы избежать, если бы принципы, сформулированные Международным военным трибуналом в Нюрнберге, законодательно оформлялись в конституциях государств.

* * *

Представленные в книге теоретические дебаты являются настоящим кладом мысли, формируют у читателя представление о том, насколько трудно воплощать научные идеи в жизнь, ценой которых является справедливое возмездие особо опасным преступникам. Хочется акцентировать внимание на том, что отечественный читатель впервые получает возможность ознакомиться с дискуссиями, проводившимися в западной специализированной литературе, поэтому одно из основных научных достижений рецензируемой работы — введение в оборот огромного, нового массива библиографических источников.

Все изложенное позволяет утверждать, что монография «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» является уникальным явлением в научной литературе, сконцентрировавшим всю глубину мысли и широту палитры правовых позиций сотен зарубежных

и отечественных ученых, подготовивших теоретический базис для проведения Международного военного трибунала в Нюрнберге, внесшим решающий вклад в развитие международной уголовной юстиции. На сегодняшний день работа А.Н. Савенкова — самое масштабное исследование правовых последствий Второй мировой войны энциклопедического уровня, представляющее интерес для специалистов-правоведов всего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов М.В. Ганс Кельзен: перипетии творческой биографии // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 259.
2. Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 42.
3. Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М., 1918. С. 119.
4. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
5. Утевский Б.С. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права // Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. М., 1940. С. 90, 91.

REFERENCES

1. Antonov M.V. Hans Kelsen: the vicissitudes of creative biography // Law. HSE Journal. 2021. No. 3. P. 259 (in Russ.).
2. Karpets I.I. Crimes of an international nature. M., 1979. P. 42 (in Russ.).
3. Petrushevsky D.M. Magna Carta and constitutional struggle in English society in the second half of the XIII century. M., 1918. P. 119 (in Russ.).
4. Savenkov A.N. Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
5. Utevsky B.S. Declaration of Human and Civil Rights of 1789 and issues of Criminal Law // Questions of state and law in the French bourgeois revolution of the XVIII century. M., 1940. P. 90, 91 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич — академик РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LISITSYN-SVETLANOV Andrey G. — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, chief researcher, Sector of International Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia